

Отпусти меня в лес!

— Снег в лесу начал таять, обнажая молодые побеги растений, — сказала мне Тури, когда вернулась оттуда вчера. Дети снова начали ходить в лес, что означает конец бесконечно долгого заключения внутри стен.

Наконец-то я смогу начать делать глиняные таблички! Очень хочется в лес, чтобы начать работать. Тури сказала, что там еще осталось слишком много снега — сложно идти из-за коварных корней, да и собирать там, откровенно говоря, пока что нечего. Впрочем, меня особо не волнует, есть ли там что или нет.

Земля сейчас — то, что надо — склизкая, влажная. Так что если я просто доберусь туда, то это будет автоматическая победа. Конечно же, самостоятельно я туда ни в жизнь не дойду. Нужна помощь Тури, без нее никак. Да. Мне пришлось ее буквально умолять, но...

— Тури-Тури! Возьми меня в лес! Хочу подружиться с ребятами!

— Нет. Ты очень слаба и даже полпути не пройдешь, — сказала, как отрезала. Не хочет идти на мировую, вообще никак. Кажется, здесь меня ожидает сплошное разочарование.

— Да ладно тебе! Я стала сильнее! Ну хотя бы до ворот, ну пожалуйста! — мои слова все-таки смогли поколебать ее уверенность. Так как я делаю «Радио-Гимнастику» каждый день, то и спускаюсь с ней вниз к колодцу, когда мама моет посуду. И причем делаю это с относительной легкостью.

— Ну, если папа разрешит... — Вот так просто взяла и переложила ответственность на отца.

Получается, если я, в конечном счете, буду ждать у ворот, надо спросить разрешение у отца. Кажется, это было бы неизбежно в любом случае. Ну что ж, вперед и с песней.

— Пап! Я в лес хочу! И не болела совсем!

— Эм, ну ладно, — просто отвечает он.

Зимой я позаботилась о собственном здоровье, так что частота припадков значительно сократилась. За последнее время было всего пять таких. Огромное достижение! Моя семья, а в особенности мама, все никак не нарадуются моему здоровью. Из-за того, что я стала реже болеть, расход питательных веществ внутри организма тоже сократился. Появился аппетит и, кажется, я даже подросла немного. Скорее всего, и моя физическая сила тоже увеличилась.

— Ну, я могу с тобой побыть хотя бы? Пожалуйста? Пожалуйста? — спрашиваю я у отца.

— Хм-м-м-м... — Он не отказал мне сразу, так что тут не все так плохо, как с Тури. И я цепляюсь за эту ниточку в попытке получить одобрение с его стороны:

— Я смогу привыкнуть к таким нагрузкам! Есть же трехлетние дети, которые ходят в лес, верно? Так что не исключено, что и я смогла бы сделать это!

— А-а-а-а, ну... да, но они из тех детей, которые попадают в беду, если их оставить одних дома, — поясняет он.

— Тогда, чтобы я пошла, мне надо попасть в беду? — Я недоумевающе поднимаю взгляд на отца.

— Не глупи, Мейн, — прозвучало недовольно и чуть раздраженно.

А это уже плохо! Если получить разрешение у отца не выйдет, то потом, когда весна придет и мама станет уходить на работу, меня снова начнут оставлять на попечении старой леди Герды. Ужасно! Вообще не вариант! Достаточно того, что я там увидела. Нужно срочно с этим разобраться.

— Папа, ты беспокоишься обо мне, потому что я слабая? Как мне переубедить тебя?

— Хм-м-м, дай подумать... — Он закрывает глаза, глубоко задумываясь. Я, затаив дыхание, жду вердикта. Отец открывает глаза и манит рукой, — Пойдем со мной к воротам.

— Только до ворот? Почему?

— Я знаю, что ты можешь ходить сама. А вот когда я пойму, насколько уверенно ты это делаешь, тогда и поговорим.

Как я и ожидала, получить разрешение будет не простой задачей. Развивать мышцы ног, ходя до ворот стражи и обратно — единственный компромисс, которого удалось достигнуть. А я ведь так хотела пойти! Мои таблички... Хнык.

— Хорошо, папочка! Поняла! — энергично киваю и иду за ним. Он внезапно успокоился. Неужели действительно думал, что я не собираюсь соглашаться? — Пап, когда ты сказал, что хочешь, чтобы я дошла с тобой до ворот, то это означает просто пройти туда и обратно?

— Нет, я хочу, чтобы Отто продолжил учить тебя алфавиту.

— Что-о-о?! Правда?! — кажется, мое лицо вытянулось от такого неожиданного ответа. Мне всегда казалось, что папа сильно ревновал, когда я занималась с Отто. Интересно, чем вызвана такая внезапная перемена?

Я наклонила голову набок, а мой отец, выдохнув, продолжил:

— Мейн, ты очень слаба, но Отто сказал, что ты не по годам смышленная. Ещё он сказал, что ты больше подходишь для умственной работы, так что, если ты сейчас научишься грамоте, то потом тебе будет легче жить.

Вот это да! Отто что, настолько впечатлен моими умственными способностями, или здесь постарался отец? И вообще, я в культурном шоке. Получить разрешение от папы, чтобы научиться писать — вот этого я ожидала меньше всего.

— У тебя хорошо получается мастерить что-нибудь маленькое, так что ты сможешь найти себе работу, не требующей особой нагрузки. Такую, чтобы использовать твою светлую головушку, — продолжил отец, чуть насмешливо поглядывая на меня.

— Головушку? — Не думаю, что он что-то знает о научных сотрудниках, клерках... Но, похоже, что и в этом мире есть профессии, связанные с умственной деятельностью.

— Ну, например, ты могла бы работать секретарем, копируя документы для чиновников или богатых людей. Я слышал, что таким образом можно работать не выходя из дома в случае болезни.

Платить за копирование и удостоверение документов... Хм, словно нотариус какой-то. Так и вправду можно было бы работать на дому, имея необходимую квалификацию. Хотя я в этом как-то не уверена.

— Отто — солдат. Хотя ты знала, что раньше он был торговцем? У него до сих пор остались связи в этой среде. Профессии, над которыми мы с твоей матерью уже долгое время раздумывали, не подходят тебе. Поэтому знакомство с Отто для тебя оказалось большой удачей, — невозмутимо выговаривает отец. Я все еще удивленно смотрю на него. Такой ревнивец — и вдруг демонстрирует прекрасный пример адекватного поведения! Ого!

— Спасибо, папочка! Я постараюсь изо всех сил! — Чувствую, как он похлопывает меня по голове, это даже приятно.

— Ну что, вопрос решился? — спрашивает он, повернувшись к Тури.

— Пап, она не сможет. — Ну, Тури! Зачем ты ставишь палки в колеса младшей сестре? Она абсолютно точно не пойдет на компромисс.

Видя, что ничего не выходит, отец медленно кивнул пару раз головой.

— Если она не научится ходить самостоятельно, у нее могут потом появиться проблемы.

— Но сейчас она будет только мешаться. — А Тури не сдает позиций, будет стоять до последнего, видимо.

— Это верно, — хмуро кивает отец. Не только Тури, но и он... Честно говоря, это стало серьезным ударом по моей гордости. Я грустно поднимаю на него взгляд, а он, чуть подумав, обращается к сестре, — Тури, доченька, давай сделаем так. Сейчас она со мной к воротам некоторое время походит, а потом, когда мы убедимся что все хорошо, она станет помогать тебе?

Тури соглашается, но почему мне от этого не легче? Почему моя семья все еще не верит в мои силы? Они все еще думают, что спуститься и подняться по лестнице для меня что-то из разряда подвигов Геракла.

На следующий день, когда солнце уже давным-давно светило на небосклоне, мы с отцом отправились к воротам. Выяснилось, что караульная служба работает в три смены: с утра и до

полудня, с полудня до глубокого вечера и всю ночь вплоть до рассвета.

Договор будет в силе, если я смогу идти сама, не отставая. Если же мне станет хуже, то придется вернуться домой.

— Дорогой, убедись в том, что Мейн не перетрудится. Не спускай с нее глаз, понял? — обеспокоенно просила мама.

Конечно, папа пообещал, что все будет хорошо. Махнув маме на прощание, я схватила руку большую и теплую ладонь отца и вытянула его за дверь. Если спуск для меня не составил особого труда, то, когда мы вышли на главную площадь, я уже немного запыхалась. А ведь, если подумать, то это первый раз, когда я смогла так далеко пройти. Обычно (в теле Мейн) я преодолевала большие расстояния, сидя на плечах отца, облокотившись на спину Ральфа или сидя в повозке.

— Ты как, Мейн? — папа настороженно посмотрел на меня.

— Н...н-нормально-о-о-о...

Если я сдамся здесь, то моим походам в лес придется помахать мне ручкой. Мне приходится через силу говорить это, хотя мое тело со мной не согласнo. Мне ничего не остается, кроме как сидеть, скрючившись в три погибели.

— Так не пойдет. Залазь на меня.

Остальную часть пути я провисела мертвым грузом на его плечах. Когда мы пришли, он принес меня в комнату ожидания, чтобы я смогла отдохнуть. Только после полудня я смогла встать: настолько устала.

— Пап? Ты сказал, что Отто будет учить меня писать, но ведь это займет не один день, верно? Это нормально? У него много свободного времени? — спрашиваю я, уверенная, что и у Отто есть обычные обязанности стража ворот. Не может же он только и делать, что писать?

— Его работа состоит как раз в том, чтобы выучить грамоте новобранцев, — улыбается отец.

— Новобранцев?

— Да. После праздника Крещения у нас обычно пополнение — пять солдат-добровольцев. Работа Отто — научить их писать и читать. Для солдата важно уметь делать это. Если он не может записать имена и должности людей, которые проходят через ворота, то и привратником стать не получится, — поясняет он.

— Я буду учиться с ними?

— Не совсем. Ты будешь его помощницей.

— Помощницей? А? — Разве ребенок может быть подмогой в столь важном вопросе? Я же

выгляжу на три года, разве нет? Я не думаю, что кто-то действительно поверит в это.

— Ты же вроде помогла ему? — уточняет отец.

— Ну да... но это были только расчеты... — припоминаю я. Он так меня просил об этом, а я просто не могла отказать. Да и было это всего лишь раз. Похоже, Отто все же рассказал об этом отцу.

— Возможно тут и я виноват — слишком загрузил его. Ну, это уже в прошлом. Он предложил тебе обучение грамоте взамен на твою помощь, не так ли? — он ненадолго замолчал, а затем вновь продолжил. — Ты будешь личным помощником Отто. Однако некрещеным детям нельзя иметь работу. Поэтому, на бумаге ты будешь ходить к нему учиться писать и читать. Твоя «зарплата» будет выдаваться тебе в мелочках. Отто просил подчеркнуть, что это нелегкий труд — ты будешь помогать ему не только с составлением бюджетных отчетностей.

А ведь я не шутила, когда говорила, что хочу ему помогать! Видимо, Отто специально попросил начальство, чтобы я смогла научиться писать и помочь ему с оформлением документов. Он настолько серьезно нацелен на мою помощь следующей зимой? Кроме того, он уговорил начальство платить мне мелочками из бюджета вместо того, чтобы платить за них из своего кармана. Как и ожидалось от купца! Он точно знает, как снизить потери и увеличить прибыль!

От размышлений меня оторвал чуть обеспокоенный голос отца:

— Мейн, ты готова?

— Да! Конечно!

Я схватила свою сумку-корзинку и направилась в сторону тренировочного зала. Там мне на глаза попалось пятеро мальчишек, о которых, судя по всему, и говорил отец.

— Это Мейн, дочурка моего капитана. Она помогает мне с некоторыми бумагами и так же, как вы, хочет научиться писать. Прошу вас не поднимать из-за этого шумиху, — представил меня Отто и начал занятие. Он написал по порядку много непонятных закорючек — судя по всему, букв алфавита. Ну, что касается меня, то я не помню их все досконально, так что это и для меня наукой будет.

— Смотрите, ребята. Это буквы алфавита. Сегодня мы тренируем пять из тридцати пяти букв алфавита, записывая их на листочки, а затем повторяя их произношение, — объясняет Отто и, видя, что для меня это не составляет особого труда, подходит и похлопывает по плечу. — Мейн, ты и правда быстро учишься.

— Мне больше нравится считать, чем работать руками.

В отличие от других детей в этом мире, я привыкла к обучению. Также у меня нет проблем с самообучением, да и память очень хорошая. В принципе, это то, что мне нравится. Невольно сравниваю себя с этими новичками, неумело двигающими карандашами — они просто никто по сравнению со мной.

— Я думаю, что мы уже можем двигаться дальше, — уверенно выговариваю я.

— Что? Уже? Хм-м-м... — удивленно смотрит на меня Отто, а затем оглядывает других учеников. Прошло всего около тридцати минут, но, похоже, ребятам уже мучительно сложно. К тому же, они начали ерзать на своих местах, подтверждая мои мысли.

— Для новичка, впервые взявшего в руки грифельную доску, достаточно трудно все время быть сконцентрированным на одном действии. Мы потренировались писать — теперь мы должны поупражняться в математике, затем порисовать карты местности вокруг города, а потом узнать, что же настоящие солдаты должны знать. Мы должны изредка делать перерывы для того, чтобы подвигаться чуток. Чем больше вещей за день мы узнаем, тем больше мы сможем запомнить, — пытаюсь подсказать я.

Наверно лучше всего будет думать о них как о младшеклассниках. В Японии, мы бы никогда не заставили учеников начальной школы писать «хирагана» весь день. Они были бы не в состоянии справиться с этим, а совсем не усидчивые мальчики в этом мире справлялись бы с этим хуже всех.

— Давайте считать? Отто, давай? — вопросительно смотрю на учителя.

Так как все из них хоть раз ходили в магазин, то и до десяти считать умеют. Однако, было несколько детей, которые не знали и этого, так что мы потратили некоторое время на написание числительных от нуля до пяти, читая их затем вслух. Опять же, мальчишки начали ерзать через некоторое время, поэтому я завершила этот урок и отправила их тренироваться.

— Давайте заканчивать учебу на сегодня. Запомните сегодняшние буквы и цифры! Если вы этого не сделаете, то вам придется начинать с самого начала! Это очень важно!

Дети рассредоточились по комнате. Я больше не нужна в тренировочном зале, так что Отто отвел меня обратно к комнате ожидания.

— Мейн, ты слишком с ними мягка, — тихо говорит мне Отто.

— А вот и нет. Если мы знаем, что учиться для них трудно, и что это может занять много времени, то нормально, что мы учим их так. И не надо сравнивать их со мной.

— Ох, твоя правда. — Отто почесал подбородок. Кажется, он осознал, что он подсознательно сравнивал их со мной.

— Мой метод, на самом деле, довольно жесткий по отношению к детям, которые едва начали учебу.

После этого мы еще некоторое время занимались с ним в частном порядке. Мы тренировали некоторые слова: сначала написание, затем произношение. Пока я была занята, он продолжал работать над своими бумагами.

— Мне кажется, что ты уже усвоила алфавит, так что давай-ка начнем пополнять твой словарный запас. Научу тебя, пожалуй, некоторым общим выражениям, — воодушевленно сказал Отто, отодвигая бумаги в сторону.

Он научил меня новым словам, но многие из них были связаны с бумагами или с обязанностями стража ворот. Это и правда выглядело так, словно он имеет виды на меня в будущем. Возможно, это как-то будет связано с бюджетом на следующий сезон.

Вот, например, некоторые из этих слов: «характеристика», «вельможа», «рекомендательное письмо» и «ходатайство». По крайней мере, если бы мы начинали с изучения названий товаров, то я могла бы узнать такие слова как «продукты питания» или названия видов оружия и брони...

Вдруг голос моего отца раздался в комнате. Скоро будут закрывать ворота и, кажется, Тури с ее друзьями только что вернулись из леса. Я отложила свой мелок обратно в сумку и выбежала на улицу, чтобы встретить их.

— Тури-и-и-и-и!

— Гоу хоме, — отвечает она мне.

С ней идет несколько детей с большими, неказистыми коробами за спиной. Они удивленно перевели взгляд сначала на меня, а затем на мою сумочку.

— Это твоя младшая сестра? Никогда не видел ее раньше, — вопросительно смотря на меня и сестру, выдает один из них.

Я прячусь за Тури, защищаясь от невежливых взглядов этих детей.

— Она не так часто выходит из дома, — объясняет сестра.

Похоже, что я почти никогда не показывалась на людях. Такое чувство, будто я какой-то мифический монстр. Тури пытается убедить меня, что они просто любопытствуют и вовсе не пытаются дразнить меня, но их взгляды все равно причиняют боль.

— О! Мейн, пойдём с нами? — откуда ни возьмись появляется Лютц. Какое же облегчение — увидеть знакомое лицо. Я осмотрелась вокруг, пытаюсь найти Ральфа, но нет никаких признаков присутствия его рыжих волос.

— А что, Ральф не с вами? Он в порядке?

— Ему исполнилось семь этой весной, так что он сегодня работает, — объясняет Лютц с умным видом.

Ральфу семь? По воспоминаниям Мейн казалось, что он на самом деле ему восемь или девять. А? Мне кажется или Лютц действительно сильно подтянулся? Похоже, в этом мире все подчиняется законам наследственности.

Пока я размышляла над этим, группа двинулась дальше. Они были в лесу весь день и хотят как можно быстрее вернуться домой, так что и идут в довольно приличном темпе. Тури и Лютц заметили, что я отстала, поэтому попросили остальных притормозить.

— Подождите! Ты в порядке? — Лютц подошел ко мне и положил руку на плечо, заглянув в глаза.

Дети беспощадны. Они не собирались ждать меня.

— Вы все идете слишком быстро... Я с тобой пойду. У меня сегодня много чего набралось... Почему ты сегодня была у ворот?

— Я изучала алфавит, — спокойно отвечаю я, смотря на него. И, кажется, это потрясло его. Его глаза светились уважением, отчего стало как-то даже некомфортно. — Я не могу пока ничего писать, но мое имя у меня выходит очень хорошо.

— Ого! Ты можешь писать свое имя?! — восхищенно смотрит на меня Лютц.

Я никогда не подумала бы, что умение написать свое имя будет настолько впечатляющим. Хотя, теперь, когда я об этом подумала... Если старейшина деревни — единственный человек на целую деревню крестьян, умеющих читать и писать, тогда это действительно удивительно, что мой отец может записать чужие имена. Похоже, Отто был более заинтересован в моем воспитании, чем другие солдаты. Если бы я решила, что уметь писать чужие имена достаточно для меня, то он никак не смог бы научить меня оформлять официальные документы.

Лютц помог мне пройти оставшуюся часть пути, но, когда я вернулась домой, я так устала, что не было сил даже на разговоры. Как и ожидалось, я сразу же слегла с жаром на два дня.

— Вот почему я говорила не давить на себя! — возмущалась мама.

Мне же все равно казалось, что я стала немного сильнее. Обычно я бы выбыла из строя на пять дней, но в этот раз я была готова вернуться уже на третий.

Моя рутина продолжалась в течение месяца, и вот тогда появилось ощущение, что я будто становилась крепче. Я начала с одного дня работы и трех дней отдыха, затем — два дня, и в итоге, я начала отдыхать через день. На тот момент я по-прежнему ходила очень медленно, но в то же время как-то успевала за отцом и ребятами. После этого получалось выходить на учебу два, даже три дня подряд, чередуя их с одним выходным.

Когда я впервые смогла добираться до ворот пять дней подряд без выходного, моя семья была в восторге. Правда, сразу же после этого я слегла с жаром, продолжавшимся пару дней. Кажется, все прошло не так гладко, как планировалось.

Через три месяца после этого я, наконец, получила разрешение отправиться в лес.